

**ПРОЩЕ ИЛИ СЛОЖНЕЕ?
(К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ
СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ)**

М. В. Каравашкина

*Московский педагогический государственный университет,
ул. Малая Пироговская, 1/1, 119435, г. Москва, Россия,
m.v.karavashkina@mpgu.su*

В статье анализируются отмеченные автором активные процессы в грамматике современной русской разговорной речи. Автор рассматривает тенденции в построении различных конструкций и выдвигает предположения о том, какие языковые процессы сделали эти конструкции очень продуктивными в речи людей начала XXI века.

Ключевые слова: разговорная речь; предложно-падежная форма слова; притяжательные прилагательные и местоимения; аналитизм разговорной речи; лингвистические факторы изменения грамматического строя.

Как известно, в разговорной речи момент обдумывания фразы и момент ее произнесения практически совпадают. Скорее всего, именно поэтому разговорная речь очень часто не может похвастаться красиво выстроенными предложениями, богатой системой изобразительно-выразительных средств. Говорящему приходится на ходу перестраивать свою реплику, а слушающему при этом надо уловить логику повествования.

В настоящей статье мы хотели бы поговорить о некоторых тенденциях, которые, на наш взгляд, характерны для современной разговорной речи, причем это чаще всего речь людей молодых.

Ученые, занимающиеся разговорной речью, говорят об общей тенденции к ее упрощению. Мы хотели бы рассмотреть несколько достаточно распространенных оборотов и подумать о том, стали ли эти конструкции проще.

Довольно часто в устной речи говорящий стремится избежать употребления притяжательных прилагательных или притяжательных местоимений. Их место занимает существительное или местоимение в родительном падеже со значением принадлежности. Современный человек, скорее всего, скажет не *папин брат*, а *брат мамы*, а словосочетание *у моей сестры* может звучать как *у меня у сестры*. Казалось бы, такие словосочетания понятны и говорящему, и слушающему, но

для их возникновения и активного распространения должны быть причины. Попробуем в них разобраться.

Считаем нужным обязательно сказать о том, что такая тенденция к построению фразы не является «открытием» наших дней. Нам бы хотелось отметить, что впервые на нее указал академик В. В. Виноградов в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове», первое издание которой было осуществлено в 1947 году. Анализируя только наметившуюся тогда перемену в языке, ученый пришел к выводу о том, что «судьба притяжательных лишена перспектив» [4, с. 200].

Примерно полвека назад, наблюдая за употреблением, а точнее – за неупотреблением, притяжательных прилагательных, А. Н. Стеценко писал о том, что «форма родительного падежа предпочтительней, так как позволяет употребить конкретизирующее притяжательное местоимение»: дети *его* сестры, подруга *моей* жены [1, с. 57]. То есть ученый допускал, что такая перестройка фразы происходит не с целью упростить сообщение, а с целью сделать его более ясным, понятным, точным.

Возможно, одна из причин широкого употребления так построенных фраз заключается в том, что, убирая из речи притяжательное прилагательное или притяжательное местоимение, говорящий хочет передать только конкретную информацию. Такое высказывание (*брат мамы, муж подруги*) лишено образности, выполняет роль простого, предельно короткого сообщения, которое при желании можно уточнить.

Но, записывая подобные высказывания, мы отметили, что притяжательное местоимение, которое могло бы конкретизировать эту фразу, в них не употребляется. Опять мы встречаемся с родительным падежом личного: *У меня у брата сыновья ходят в спортивную школу, У нее у мужа есть дача*. Один раз нами был записан даже такой пример: *У меня у подруги у мужа сегодня юбилей*.

Справедливо здесь задать вопрос о том, стала ли такая конструкция проще. На наш взгляд, нет. Она получилась менее емкой и красивой, но более простой она не стала ни для говорящего, ни для слушающего. Ее непросто произнести, донести смысл и сохранить логику. Скорее всего, ее и достаточно трудно понять. Повторение предлога «у» не способствует тому, что фраза легко может быть воспринята.

Сразу заметим, что наиболее часто в таких конструкциях употребляется именно предлог «у», но встречаются построения и с другими предлогами, и они, на наш взгляд, еще сложнее для восприятия.

Например, произнося фразу *ко мне к родителям зашел знакомый*, респондент имел в виду не *к моим родителям*, а *на квартиру моих родителей, от которых я сейчас живу отдельно*. Чтобы правильно понять эту фразу, нужно знать конситуацию.

Приведем еще один интересный пример: *Со мной с сестрой один раз такое случилось...* Далее следовал рассказ о том, что же произошло. Из этого рассказа стало ясно, что произошло что-то не с говорящим («со мной») и не с сестрой говорящего («с моей сестрой»), а в тот момент, когда девушка встретилась с сестрой и они вместе отправились за город.

Итак, конструкции проще не стали, но при этом они активно употребляются в разговорной речи. Это своего рода смс-сообщение, только в устной форме. Но вряд ли тут дело только в этой функции.

Обратим внимание на то, что на первое место, на позицию актуализации, в таких выражениях выходит личное местоимение, заменяющее притяжательное. Таким образом, говорящий меняет логическое ударение во всей фразе. Например: *Я сегодня не опоздаю. У меня у бабушки сегодня день рождения*. Предложение, построенное таким образом, позволяет говорящему сместить акцент на себя: я могу или не могу что-то сделать. А в конце предложения называется причина. На наш взгляд, эти примеры иллюстрируют размышления Ю. Д. Апресяна об антропоцентричности и даже эгоцентричности языка. По его мнению, представления о человеке выступают в качестве естественной точки отсчета для гораздо большего количества языковых значений, чем это было принято считать ранее, при этом язык не только антропоцентричен, но и эгоцентричен значительно более, чем признается в настоящее время [2, с. 630].

Автор проводил небольшой эксперимент со студентами Института детства МПГУ (именно при общении с ними была записана большая часть примеров, о которых шла речь выше). Сначала такие конструкции были зафиксированы в речи будущих учителей начальных классов. Потом они же наряду с конструкциями, содержащими притяжательные прилагательные и местоимения, были предложены студентам в письменном виде. Молодым людям предлагалось распределить, что уместно будет употребить в письменной, а что – в устной речи. Надо отметить, что студенты интуитивно понимали необычность этих конструкций для письменной речи и безошибочно их распределяли по группам. Интересным показался для этой группы молодых людей во-

прос, считают ли они уместным написать, например, в смс-сообщении: «У меня у подруги». Да, такая форма записи в коротком сообщении, посланном на телефон, их не смутила бы. Хотим отметить, что этот эксперимент дал нам прекрасный повод поговорить с будущими учителями о том, что считать устной и письменной речью, какие тенденции сейчас есть и в той, и в другой форме существования языка.

Другой группе студентов были предложены работы, написанные детским почерком, в которых принадлежность обозначалась не притяжательными прилагательными или местоимениями, а формами существительных или личных местоимений. Задание заключалось в том, чтобы исправить речевые недочеты. Сочетания типа «у подруги у бабушки», «у нас у мамы», «у меня у сестры» были отмечены как неправильные.

Затруднение у студентов вызвал ответ на вопрос, что же здесь неправильного. Предлагались различные варианты ответов. Например, такие: «Два предлога «у» в одном предложении – это неправильно». Когда указывали студентам на то, что грамматика не запрещает такие построения, они не могли каким-то другим образом аргументировать свой ответ. Еще примеры ответов: «Такая конструкция смотрится некрасиво», «Сложно понять, кто же здесь главный, о ком идет речь». Мы согласны с обоими вариантами ответов. Считаем, что последний говорит о том, что молодежь, употребляя какие конструкции в предложении, интуитивно понимает, что речь не стала не только красивее, но и проще, логичнее. При этом все соглашались, что в устной речи так построенная фраза их не смутила бы. Это факт устной речи современных молодых людей. Притяжательные прилагательные (в большей степени) и местоимения (в меньшей степени) не свойственны их разговорной речи.

Пытаясь объяснить, почему так происходит, мы сказали лишь о нескольких причинах. Возможно, следует сказать также о том, что в современном языке употребляется намного больше предлогов, чем еще несколько десятков лет назад. Эту тенденцию отметила Н. С. Валгина, которая указывает на то, что в современном русском синтаксисе предложные сочетания часто приходят на смену беспредложному управлению [3, с. 263]. Исследователь считает, что предлоги помогают дифференцировать значения, передаваемые при помощи падежных форм. У нас же при этом возникает вопрос, может ли дифференцировать значение один и тот же повторяющийся предлог.

Скорее всего, все названные причины надо рассматривать в комплексе. Но при этом вряд ли можно сказать, что так построенная фраза стала проще.

Хотелось бы сказать и еще об одной гениальной догадке относительно направления развития русской грамматической системы, о предвидении ученого. В середине прошлого века М. В. Панов писал: «Растет число имен, у которых нет форм косвенных падежей» [5, с. 10]. Современная языковая ситуация может послужить иллюстрацией и к этому предположению.

Так, например, автор данной статьи записывал за своими студентами такие выражения: «поместил в своем Инстаграмм / Это есть у меня в Инстаграмм / Я о своем Инстаграмм особо никому не рассказываю», «Мы общаемся в FaceBook / Я только и слышу о его Фейсбук», «обманул вратаря «Реал» и др. Конечно, перед нами заимствованные слова, но огромное количество заимствований, вошедших в русский язык, в том числе и в относительно недавнее время, подчиняется правилам нашей грамматики.

И эта ситуация («потери» падежных окончаний) распространяется не только на новые заимствования, но и на слова, давно освоенные языком. Например, в нескольких группах студентов мы задавали вопрос о том, какое падежное окончание они считают более правильным: «попить чаЮ» или «попить чаЯ». Многие студенты отмечали, что они выберут форму с нулевым окончанием: «попить чай». Если вариативность окончания мы можем объяснить исторически, перестройкой системы склонения, то вариант с нулевым окончанием, на наш взгляд, появился, скорее всего, и под влиянием языка рекламы, где присутствует огромное количество нарушений норм словоизменения нашего языка (например, «Отличная проверка для Тайд»). Причем эта фраза, использованная в слогане, рассчитана на то, что ее запомнят и воспроизведут).

Размышляя об этой тенденции в языке, мы отметили для себя одно очень интересное высказывание В. М. Живова. Ученый говорил, что «язык меняется не в силу системных внутрилингвистических факторов (абстрактных законов изменения), а в результате взаимодействия различных социокультурных параметров его употребления» [6, с. 34]. В таком случае можно было бы предположить, что, принимая в свою речь огромное количество англицизмов, современные молодые люди принимают и аналитическую систему другого языка. Тогда мы могли

бы говорить о том, что отсутствие окончаний, свойственное английскому языку, переносится на язык русский. И это можно было бы назвать одной из причин распространения словоформ без окончания.

Но здесь дело осложняется тем, что очень многие люди не владеют грамматической системой, например, английского языка. Иностраный язык, освоенный по уровню средней школы, вряд ли позволит людям общаться на нем, не говоря уже о том, чтобы анализировать грамматическую систему и выстраивать свое высказывание, копируя построение фразы на чужом языке. А значит, все-таки есть внутрилингвистические факторы, которые позволяют языку меняться в каком-либо направлении.

На наш взгляд, эту тенденцию нельзя называть упрощением. Дело в том, что, во-первых, конструкции не становятся проще для коммуникации. Во-вторых, принимая отдельные слова, язык адаптирует их под свою грамматическую систему, то есть проще слова склонять, особенно, если рядом есть предлог.

Рассуждая о лексико-грамматических процессах в русском языке, Т. Б. Радбиль говорит об отсутствии «семантической идиоматичности», то есть «о полной и однозначной выводимости значения целого выражения из значений формирующих его состав компонентов» [7, с. 7]. И хотя ученый применяет этот термин, говоря о синтаксических построениях с заимствованными словами, мы считаем возможным сказать о том, что он же применим и к проанализированным нами конструкциям.

Библиографические ссылки

1. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка / науч. ред. О. В. Ермолаева. М. : Высшая школа, 1972.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Сборник научных трудов. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие для студентов вузов. М. : Логос, 2003.
4. Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. М : Учпедгиз, 1947.
5. Панов М. В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 10.
6. Живов В. М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 34.
7. Радбиль Т. Б. Аналитизм vs синкретизм в активных процессах в грамматике современного русского языка // Мир русского слова. 2020. № 1, 2020. С. 7.